

Хара выставил Наою Дзэньина из поместья Годжо вместе с его сопровождающими: один был мертв, второй схвачен.

Ран Мори не удержалась от вопроса:

— Мы не заявим в полицию? Неужели просто так отпустим убийцу?

Хара Годжо ответил равнодушно:

— Клан Дзэньин предоставит объяснения.

Что же касается наемника, то клан Дзэньин не оставил бы его в живых. Дерзнуть на жизнь законного наследника главы, да еще и попытаться стравить Дзэньинов с Годжо — за такую глупость придется платить кровью. К тому же привлекать полицию не имело смысла: обычные копы не указ шаманам.

Хара поспешил перевести разговор на другую тему и пригласил Конана Эдогаву и остальных в банкетный зал. Сегодняшнее торжество устраивали специально в знак благодарности маленькому детективу.

И пусть до начала пиршества произошло немало неприятностей, гости из агентства Мори отнеслись к этому на удивление спокойно. Для них подобные происшествия давно стали обычным делом. Ну в самом деле, разве они хоть раз бывали на приеме, где не случилось бы убийства или драки? Дело житейское, плавали — знаем!

Хара дал понять, что развивать тему покушения не намерен. Конан и его спутники, уже имевшие дело с шаманами и проклятиями, прекрасно понимали: законы выживания в мире магии в корне отличаются от привычного им уклада обычных людей. Лезть с расспросами дальше было бы верхом бестактности.

Прием в главном поместье Годжо поражал воображение: слуги лезли из кожи вон, стараясь угодить гостям своего господина, а само убранство так и дышало роскошью.

Даже Сатору Годжо сумел взять себя в руки и чинно высидел всю церемонию. Как-никак, этот пир давали ради Конана, который спас его старшего брата от неминуемого заточения, выиграв драгоценное время.

Выждав удобный момент, Сатору с бокалом сока в руке подошел к мальчику. На этот раз в его голосе не было привычного пафоса — лишь искреннее признание:

— Спасибо тебе, мелкий. Очень выручил!

Сатору бесцеремонно взъерошил волосы Конана, так что торчащий на макушке вихор встал дыбом.

Конан лишь обреченно скосил глаза:

—...

Звучало это, мягко говоря, не слишком уважительно.

Но стоило Конану встретиться взглядом с небесно-голубыми глазами, блеснувшими из-под припущенных круглых очков Сатору, как всякое раздражение улетучилось. В этой бездонной лазури читалась неподдельная теплота.

Мальчик улыбнулся:

— Не за что. Я просто сделал то, что должен был.

В той ситуации он бросился бы на помощь любому. Спасти Хару Годжо означало спасти всю Сибую: если бы этого могущественного шамана запечатали, оставшиеся без защиты люди наверняка стали бы легкой добычей для Кэндзяку.

Когда праздник подошел к концу, Хара незаметно отвел Конана в сторону для частного разговора.

— Хочешь вернуть свое прежнее тело? — без лишних предисловий спросил он.

Конан застыл как вкопанный. В голове мгновенно пронеслась безумная догадка, сердце заколотилось от волнения, но старая привычка взяла верх, и он поспешил напустить на себя детский вид:

— А-ха-ха, братишка Хара, ты о чем? Я совсем тебя не понимаю!

Хара подпер щеку рукой и снисходительно усмехнулся:

— Наши с Сатору глаза — это величайший дар, рождающийся в клане Годжо раз в несколько столетий. Шесть глаз. Они позволяют нам видеть то, что скрыто от простых смертных. Но у этого дара есть обратная сторона: каждую секунду наш мозг бомбардирует колоссальный объем информации со всего мира.

Конан не на шутку поразился:

— Постоянно считывают информацию? Но как мозг справляется с такой нагрузкой?

— Именно поэтому мы с братом в совершенстве владеем обратной проклятой техникой, — невозмутимо ответил Хара. — Мозг выгорает, но мы можем восстановить его в любой момент.

Он опустил взгляд на замершего перед ним ребенка:

— Моя обратная техника способна вернуть твой организм к исходному состоянию. Твой нынешний облик — это не проклятие. Но даже если это результат действия яда или каких-то медицинских экспериментов, я смогу это исправить.

Обратная проклятая техника Хары действовала подобно глобальной перезагрузке тела: она могла восполнить жизненные силы, исцелить любую болезнь, нейтрализовать сложнейшие токсины и даже вырастить утраченные конечности. В этом искусстве он превосходил даже Сёко Иэири.

Поэтому Хара с полной уверенностью давал такое обещание.

Конан разволновался настолько, что напрочь забыл о конспирации:

— Правда?! Я действительно смогу стать прежним?..

Но радость тут же сменилась тревогой. Он вспомнил про Ай Хайбару и Черную организацию. На лице мальчика проступила тень:

— Но... сейчас мне нельзя возвращаться к старой жизни. Для врагов я мертв. Если я вдруг объявлюсь в своем настоящем облике, это поставит под удар всех моих близких.

Сначала нужно покончить с Синдикатом. Только тогда он сможет вернуть имя Синъити Кудо.

Хара с пониманием кивнул:

— Это предложение не имеет срока давности. Если решишь заменить его на любую другую услугу — просто скажи.

Хара протянул Конану листок со своим личным номером телефона.

Тот бережно принял его и поклонился:

— Спасибо вам огромное, господин Хара.

Конан никогда не обольщался насчет того памятного удара по мячу в Сибуге, полагая, что его помощь была каплей в море. Приглашение на пир он принял лишь для того, чтобы замаять неловкость и не оставаться должником перед великим кланом Годжо. Ну и, конечно, из чисто детективного любопытства: хотелось своими глазами взглянуть на быт величайшей шаманской династии.

Но это искреннее предложение помощи растрогало его до глубины души. Хара уловил эту неподдельную признательность, и Конан вырос в его глазах еще сильнее.

Когда празднество завершилось, Хара и Сатору проводили гостей до ворот поместья. Развозить всех по домам вызвался управляющий — Мэй Годжо.

Когда пришло время прощаться, Мэй достал из бардачка изящную лакированную шкатулку. Открыв ее, он продемонстрировал пассажирам семь защитных амулетов-омамори:

— Эти обереги начертаны рукой нашего главы. Они способны уберечь от любого проклятия. Пожалуйста, выберите себе по одному.

На деле амулеты выглядели совершенно одинаково, так что выбор был условным.

Пережившие кошмар в Сибуге гости прекрасно знали истинную цену этим безделушкам. Если бы в тот день Соноко Судзуки не отдала свой оберег — купленный ее семьей у Годжо за баснословные деньги, — половина из них попросту не дожидая бы до прибытия подкрепления.

Отказываться никто не стал. Бережно разобрав омамори, они искренне поблагодарили управляющего:

— Спасибо вам, господин Мэй. Передайте нашу глубочайшую признательность господину Харе.

Мэй вежливо улыбнулся:

— Непременно передам. Благополучного вам вечера.

Благодаря этой встрече у Хары Годжо появилась зацепка на Кэндзяку — древнего паразита — с самой неожиданной стороны.

Ценные сведения по секретным каналам передал Тоору Амуро.

В Черной организации, где Амуро работал под прикрытием, состоял проклятый маг по имени Макото Камиэ, известный под кодовым именем Текила. И у этого человека через весь лоб тянулся уродливый шрам от хирургических нитей.

Судя по отчетам Амуро, этот Камиэ не пропадал и не числился мертвым — он по-прежнему исправно выполнял поручения Синдиката.

Это означало лишь одно: Кэндзяку все еще цеплялся за это тело.

Для Хары, чья недавняя охота на древнего мага закончилась ничем, эта новость стала настоящим подарком. Он без колебаний связался с Амуро:

— Раз уж эти люди покрывают беглого проклятого мага, значит, их контора напрямую угрожает стабильности нашего мира. Вмешательство шаманов в дела этой вашей «винокурни» теперь более чем оправданно.

Раньше Хара не воспринимал Черную организацию всерьез. Даже когда он косвенно помогал Рэю Фуруе и Хиромицу Морофуси устранять оперативников Синдиката, он старался не лезть в разборки обычных людей.

Но теперь, когда верхушка Синдиката спелась с Кэндзяку, пытавшимся его запечатать, игнорировать их существование стало невозможно.

Если Хара Годжо что-то задумывал, его было не остановить.

Он даже не подумал запрашивать разрешение у консервативной верхушки Главного совета магов. Хара задействовал собственные ресурсы, чтобы выпотрошить всю подноготную Черной организации, намереваясь лично возглавить карательный рейд из верных ему шаманов.

План до безумия простой и грубый, но осуществить его мог только он.

Для любого другого первый же шаг — сбор информации — обернулся бы крахом. Не зря ведь спецслужбы десятков стран годами внедряли туда своих лучших агентов, получая в ответ лишь крупички сведений.

Но Хара был фигурой иного масштаба. Свои сети он начал плести задолго до этого дня, охватив не только мир магов, но и самые темные углы обычного общества.

Раньше, не зная повадок врага, Хара легко попадался в его ловушки. Без прямого столкновения трудно было догадаться, что Кэндзяку крадет чужие тела, буквально выедавая мозг жертвы и занимая его место. Хара до последнего верил, что покончил с тварью еще в тринадцать лет, когда развернул против нее территорию.

Кто же знал, что этот паразит живуч, как гидра, и способен возрождаться снова и снова?

Теперь же, благодаря столь ценной зацепке, искать ублюдка стало гораздо проще.

Огромный массив старых, казалось бы, бесполезных донесений прогнали через алгоритмы искусственного интеллекта «Ноев ковчег». В результате этой сортировки тайные ходы и опорные пункты, которые Кэндзяку выстраивал в мире шаманов веками, оказались перед Харой как на ладони.

Поняв, что его многолетние труды уничтожаются один за другим, затаившийся Кэндзяку не на шутку испугался. Не смея больше показываться на глаза преследователям, он спешно принялся пожирать ресурсы Черной организации изнутри. Ему требовались все связи Синдиката. Обещая вечную молодость и бессмертие, он надеялся переманить на свою сторону могущественных покровителей из числа обычных людей, чтобы выстроить из них живой щит против Хары Годжо и спасти свой тысячелетний план.

Но Хара уже взял след. Подключив все доступные каналы, он вычислил практически каждую явку Черной организации в Японии. Объединив усилия с Департаментом общественной безопасности, шаманы начали планомерный загон крыс по всей стране.

Хара пытался выкурить засевшего на самом дне Кэндзяку.

Однако живучесть паразита превзошла все ожидания. Тысячелетний опыт не пропьешь — Кэндзяку владел таким количеством древних уловок и запретных техник, что даже Хара порой диву давался.

В современную эпоху искусство магии неуклонно угасало, и если бы не рождение Шести глаз, мир шаманов окончательно погрузился бы в упадок. О нынешнем возрождении не шло бы и речи. Из-за этого упадка многие старинные техники и тайные знания были безвозвратно утрачены.

Но Кэндзяку, лично заставший золотой век магии, помнил каждую забытую формулу.

Используя арсенал самых разных врожденных техник преданных ему магов, Хара стирал базы Синдиката одну за другой. Он лично шел в авангарде атак, в одиночку врываясь в секретные бункеры и вычищая серверы. Противопоставить его мощи обычные наемники не могли ничего.

И даже когда защитные системы баз запускали протоколы самоуничтожения, ценнейшие архивы уже оказывались в руках Хары.

Верховный лидер Черной организации пребывал в неопишуемой ярости. Прожив больше века исключительно за счет передовых медицинских аппаратов, старик и без того едва держался на этом свете. Вспышка гнева окончательно подорвала его скудные силы — жизнь теперь

теплилась в нем на волоске.

В этот критический момент проклятый маг Макото Камиэ поспешил заявить, что хоть он и не может тягаться силой с Харой Годжо, но в искусстве врачевания и сохранения жизни ему нет равных. Он вызвался латать раненых боевиков прямо на передовой.

Камиэ так рьяно разыгрывал роль преданного слуги, готового костью лечь ради общего блага, что босс Синдиката решил проверить его способности на паре угасающих оперативников. Убедившись, что чудо-доктор действительно возвращает людей с того света, дряхлый старик не удержался и приказал доставить Камиэ к нему лично.

Будь лидер Синдиката в здравом уме, он никогда не подпустил бы к себе безродного шамана, едва примкнувшего к организации. Но животный страх перед близкой смертью вытравил из его разума остатки осторожности. Камиэ казался ему последней соломинкой, за которую можно ухватиться перед падением в бездну.

Когда они встретились, перед шаманом предстал дряхлый столетний старик, обвешанный трубками и датчиками. Вся его «таинственность» и «всемогущество», коими грезили подчиненные, держались лишь на честном слове инженеров жизнеобеспечения.

Камиэ велели подойти к постели. Из темноты на него смотрели стволы автоматов — преданные телохранители держали под прицелом каждую жизненно важную точку на теле гостя. В такой напряженной обстановке должна была начаться процедура «исцеления».

Но стоило шаману сделать шаг, как по палате незаметно разлился бледно-розовый туман. Лишенные воли наемники один за другим беззвучно повалились на пол. Камиэ с презрительной усмешкой отключил все камеры слежения и датчики. Не удостоив мертвецов даже взгляда, он подошел вплотную к ложу умирающего. Ренья Карасума, еще не потерявший сознание, в ужасе уставился на гостя остекленевшими глазами.

Камиэ ласково улыбнулся:

— Господин Карасума, пусть ваша оболочка почти сгнила, но ухаживали вы за ней на зависть многим. Пожалуй, мне она еще послужит.

С этими словами он потянул за концы уродливых нитей на лбу. Швы легко разошлись. На глазах у оцепенелого Карасумы черепная коробка шамана сдвинулась назад, являя миру истинного хозяина этого тела — живой, пульсирующий розовый мозг, усеянный мелкими острыми зубами.

Этот жуткий паразит выглядел на редкость бодрым и здоровым. Оскалив пасть, он хищно зашевелился в открытой кости.

Прикованный к постели Карасума мог лишь хрипеть. Безграничный, парализующий ужас сковал его изможденное тело, заставляя датчики на аппаратах безумно мигать.

Камиэ, чье тело двигалось теперь словно марионетка, хладнокровно достал хирургический скальпель. Острые коснулось лба Карасумы. Старик оставался в полном сознании, пока лезвие методично резало его кожу и кость. Прошло несколько страшных мгновений — и его собственный разум угас навсегда, когда серую массу бесцеремонно извлекли из черепной коробки.

Для Кэндзяку этот процесс давно стал рутиной. Никакого страха занести инфекцию или повредить сосуды — чистая магия. Он аккуратно вычерпал остатки мозга Карасумы, брезгливо швырнул их в бак для медицинских отходов и тщательно протер черепную коробку изнутри. Затем осклизлыми пальцами пересадил собственное зубастое нутро в пустующееместилище, аккуратно приладил костяную крышку назад и затянул швы свежими нитями. Операция завершилась.

В ту же секунду столетний старик, только что лежавший без движения, легко принял сидячее положение. С удивительной для этого возраста прытью он подхватил обмякшее тело Макото Камиэ, не дав ему рухнуть на пол, и бережно уложил на кушетку, прикрыв обнаженную кость черепа.

Личность и техника Камиэ еще могли сослужить Кэндзяку хорошую службу, так что портить этот сосуд раньше времени не стоило. Он планировал сохранить тело в целости.

Осмотрев свои новые, покрытые старческими пятнами и морщинами ладони, Кэндзяку недовольно поморщился. За тысячу лет ему еще ни разу не приходилось занимать настолько немощную оболочку. Ни капли проклятой энергии, полное отсутствие магического зрения и врожденных техник — просто бесполезный, увядающий примат.

Без привычной магии он чувствовал себя уязвимым. Сила Кэндзяку всегда напрямую зависела от сосуда, который он занимал.

Во время инцидента в Сибуре, столкнувшись лицом к лицу с Харой, он так и не смог развернуть свою территорию. И вовсе не от хорошей жизни — та убогая плоть просто не обладала нужным запасом энергии.

Тот сосуд и близко не стоял рядом с телом Каори Итадори, которым Кэндзяку владел когда-то.

А нынешняя оболочка Реньи Карасумы оказалась еще хуже. Никаких задатков к магии, да к тому же дряхлость и букет смертельных болезней.

Даже применить обратную проклятую технику для исцеления этих суставов было невозможно. То, что Карасума сейчас бодро сидел на кровати, держалось исключительно на силе воли Кэндзяку, принудительно заставлявшего мертвые нервные окончания сокращаться. Стоило

паразиту ослабить контроль, как старое мясо тут же превратилось бы в неподвижный труп.

Поэтому Кэндзяку следовало действовать без промедления, пока марионетка окончательно не развалилась.

Первым делом, используя память Карасумы, он связался с сильными мира сего — теми немногими влиятельными лицами, что знали о тайном существовании лидера Синдиката. Запустив видеосвязь, он предстал перед ними в облике их старого партнера и твердо произнес:

— Я стою на пороге великого перерождения. Нам удалось разработать технологию переноса сознания, и вскоре я покину этот изношенный сосуд. Моим новым воплощением станет Текила...

Эти старцы, заседавшие на вершине государственной власти, были безумно подозрительны. Если бы Кэндзяку просто отправил им текстовое сообщение от имени босса, никто бы не поверил, что молодой оперативник Текила вдруг стал их предводителем. Они бы решили, что дерзкий юнец совершил переворот и убрал старика.

Но личное видеообращение развеяло любые сомнения. Более того, эти слова зажгли в глазах дряхлых олигархов безумный огонек надежды. Ведь если перенос сознания действительно возможен, им больше не придется годами ждать сомнительных результатов испытаний омолаживающих сывороток! Достаточно подыскать здорового юношу, стереть его личность и занять пустующий трон. Вот оно — истинное, осязаемое бессмертие!

Поэтому никто из сильных мира сего не стал возражать. Напротив, они затаили дыхание в ожидании исхода эксперимента.

Кэндзяку прекрасно понимал ход их мыслей, но ему было плевать. Кучка разлагающихся, провонявших нафталином приматов у власти — они все равно стояли на краю могилы. Пусть послужат его целям перед тем, как окончательно сгнить, в этом и заключалась их единственная ценность.

Разобравшись с внешними покровителями, Кэндзяку проделал тот же трюк со старейшинами самого Синдиката, заставив их беспрекословно подчиняться «Текиле».

Закончив приготовления, он безжалостно покинул разваливающееся тело Карасумы и вернулся в крепкую оболочку Макото Камизэ.

Обладая всей памятью покойного миллиардера, Кэндзяку без труда координировал действия Синдиката через закрытые каналы связи. Ни у одного рядового агента не возникло подозрений.

Те, у кого не было доступа к верхушке, даже не догадывались, что на самом верху произошла

тихая смена власти.

А приближенные, лично знавшие Карасуму, пребывали в полной уверенности, что их лидер успешно переселился в тело Камиэ. Для них все осталось на своих местах.

Прибирая к рукам гигантскую криминальную империю, Кэндзяку, однако, не мог не досадовать на огромные потери, которые Черная организация понесла из-за рейдов Харе Годжо. Больше всего пострадали именно японские филиалы — те самые, на которые он делал ставку.

Ведь его главный замысел должен был претвориться в жизнь именно здесь, в Японии. Теперь, когда влияние Синдиката в стране восходящего солнца свелось к минимуму, этот инструмент стал гораздо менее полезным, что вызывало у древнего мага глухое раздражение.

Но как бы Кэндзяку ни злился, навязать прямой бой Харе Годжо он не решался. Ему оставалось лишь трусливо прятаться в тени.

Тюремная обитель оказалась бессильна против этого человека. До тех пор, пока Двуликий Сукуна не будет полностью возвращен к жизни, Кэндзяку поклялся не приближаться к Харе ни на шаг.

К тому же рядом с ним всегда находился Сатору Годжо — еще один монстр, чья мощь превосходила силу любого из когда-либо рождавшихся носителей Шести глаз.

Древний шаман никак не мог постичь, каким образом эти близнецы умудрились сломать незыблемый закон вселенной. Мало того, что в одну эпоху явились сразу два обладателя Шести глаз, так они еще и обошли древнее Проклятие близнецов!

Их абсолютное внешнее сходство не оставляло сомнений: они были однойцевыми близнецами. По законам магического мира, небеса должны были воспринимать их как единое целое. Сила, предназначенная одному человеку, должна быладелиться пополам, оставив обоих калеками с урезанным потенциалом.

Но почему тогда и Хара, и Сатору обладали столь чудовищной, безграничной мощью? Их Шесть глаз не имели ни единого изъяна.

Неужели законы мироздания готовы прогнуться под носителей этого дара?

Глядя на этот феномен, Кэндзяку начинал сомневаться в собственных знаниях, которые он кропотливо собирал на протяжении десяти веков.

Но как бы там ни было, упускать шанс, подаренный провалом слияния Тэнгэна с Сосудом звездной силы, он не собирался. Наступала новая эра, идеальная для завершения его великого

труда.

Кэндзяку отдал приказ всем уцелевшим членам Синдиката залечь на дно. Никакой активности, никаких лишних движений — скрыться от ищеек Хары Годжо теперь было их первоочередной задачей.

Сам же он поспешил связаться с преданным слугой Сукуны — Ураумэ.

Ураумэ явился на встречу мрачнее тучи. В его глазах полыхала ярость:

— У тебя еще хватает наглости звать меня? Из-за твоей авантюры с Небесным проклятием я едва не отправился на тот свет!

При одном упоминании о том дне Ураумэ до боли сжимал кулаки. Чтобы заполучить Аmano Сакахоко, он согласился похитить жену и сына Фусигуро Тодзи. Но никто не ожидал, что этот безумный зверь окажется настолько быстрым. Не успел Ураумэ коснуться заложников, как Тодзи буквально вколотил его в землю.

Если бы не выдающееся мастерство во владении обратной техникой, шаман льда остался бы гнить в безымянной могиле.

И лишь связывающая их клятва-обет заставила его из последних сил уничтожить Перевернутое небесное копье, лишив Тодзи козыря.

Но даже так Ураумэ чувствовал себя обманутым. Заключение сделки с Кэндзяку было верхом глупости: рисковать жизнью, когда господин Сукуна еще не возродился, он не имел права.

Кэндзяку мягко, успокаивающе улыбнулся:

— Мой дорогой друг, иного пути не было. Перевернутое копье в руках этого дикого зверя представляло слишком большую угрозу для наших планов.

Разумеется, он деликатно промолчал о том, что сам же когда-то и подстроил так, чтобы это проклятое оружие особого ранга оказалось у Тодзи.

В свое время он планировал использовать Тодзи и его клинок, чтобы устранить Сатору во время инцидента с Сосудом звездной силы. Кто же знал, что наемник давно продан Харе? Чтобы не допустить использования Аmano Сакахоко в качестве ключа к Тюремной обители, Кэндзяку пришлось пойти на крайние меры — отобрать или уничтожить его.

Ирония судьбы заключалась в том, что запечатать Хару все равно не удалось.

А значит, гибель ценнейшего артефакта оказалась напрасной.

Кэндзяку поспешил сменить тему, заговорив о главном:

— Наша первоочередная задача сейчас — собрать все пальцы двуликого господина. Сосуд, который я подготовил для великого Сукуны, уже подрос. Еще несколько лет, и тело будет готово к воплощению. Но к этому моменту мы обязаны собрать все реликвии.

Ураумэ презирал поручения этого интригана, но упоминание о пальцах повелителя мигом заставило его подобраться:

— Тебе давно следовало передать сосуд под мою защиту! Живо говори, где он прячется!

Если бы не вечные недомолвки и скрытность Кэндзяку, упорно утаивавшего личность будущего вместилища души Сукуны, Ураумэ давно бы оборвал с ним всякие связи.

<http://bllate.org/book/19549/2004376>